

мнѣ подсовывались лоскутки бумаги, испещренные признаніями своихъ чувствъ.

Однажды эти проказницы вылили цѣлый флаконъ духовъ въ мою шляпу (тогда шляпы брали съ собою, а не оставляли ихъ въ передней), такъ что я, уходя, страшно боялся встрѣтиться съ инспекторомъ, который, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на окружавшій меня ароматъ и заподозрѣлъ бы меня въ кокетствѣ передъ моими ученицами. По окончаніи экзамена, когда мой классъ особенно отличился благодаря моимъ тщательнымъ поправкамъ рисунковъ, я спускался уже по лѣстницѣ, какъ вдругъ на меня неожиданно налетѣла тройка въ бѣлыхъ передничкахъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ у меня въ рукахъ очутился пакетъ, завернутый въ бѣлую бумагу. Сдѣлавъ мнѣ дружный реверансъ, эта тройка такъ же скоро скрылась въ коридорѣ. Развернувъ пакетъ, я увидѣлъ прелестный бархатный портфельчикъ, сплошь вышитый шелками съ бѣлой муаровой отдѣлкой внутри.

Въ семействѣ директриссы я былъ принятъ очень ласково и съ удовольствіемъ проводилъ время въ этомъ простомъ и интеллигентномъ обществѣ. Сынъ моей начальницы, Теодоръ Адольфовичъ, мой ровесникъ, довольно близко находился при особѣ наследника цесаревича Николая Александровича, а впоследствии былъ секретаремъ у императрицы Маріи Теодоровны.

Хорошія отношенія съ семействомъ графа Владимира Александровича Соллогуба упрочились, и я почти ежедневно бывалъ въ его домѣ, продолжая давать уроки графинѣ Софьѣ Михайловнѣ, и бывалъ у нихъ на вечерахъ; но эти вечера были уже не тѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Петербургъ какъ будто бы усталъ, утомился сплошнымъ своимъ весельемъ и теперь отдыхалъ въ салонахъ и гостиныхъ, внимая музыкѣ и произведеніямъ гениальныхъ писателей, звѣзды которыхъ одна за другою появлялись на горизонтѣ нашего литературнаго міра. Однажды я засталъ у графини Софьи Михайловны графа Алексѣя Константиновича Толстого, впоследствии знаменитаго поэта-писателя, гулявшаго по гостиной въ ожиданіи выхода хозяйки; я тогда не былъ знакомъ съ Алексѣемъ Константиновичемъ и не зналъ его въ лицо. Ставъ у рояля, я невольно заглядѣлся на этого пышащаго здоровьемъ человѣка съ лицомъ, выражающимъ кроткую и глубокую мысль на открытомъ, бѣломъ, съ прекрасными очертаніями лбѣ. Мы смотрѣли другъ на друга, наши глаза встрѣтились, и графъ улыбнулся. Въ этой улыбкѣ было столько чарующаго и ласкающаго, что я невольно подошелъ къ нему съ искреннимъ желаніемъ познакомиться съ такимъ, по-видимому, хорошимъ человѣкомъ. Графъ продолжалъ улыбаться и, подвинувшись на диванѣ, сказалъ:

— Чѣмъ намъ врозь поглядывать другъ на друга, какъ какимъ-нибудь часовымъ, присядьте-ка сюда, вѣдь вы художникъ Соко-

ловъ? Какъ же, какъ же, любовался вашей «Капитанской дочкой». А позвольте васъ спросить, почему вы на меня такъ пристально смотрѣли?—спросилъ онъ.

— Да потому,—отвѣчалъ я:—что вы обладаете такимъ здоровымъ цвѣтомъ лица, что мнѣ, художнику, крайне въ диковинку встрѣтить что-нибудь подобное въ Петербургѣ.

— Да, этому я обязанъ всецѣло только деревенской жизни. Вѣдь я постоянно живу въ деревнѣ,—прибавилъ онъ:—охочусь, вожусь со своими собаками и беру все, что только можетъ дать мнѣ наша общая мать природа. Но мы съ вами еще незнакомы,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ, подавая руку:—Алексѣй Толстой, и очень буду радъ встрѣтиться съ вами. Вѣдь вы знаете Жемчужникова,—не литератора, тотъ мой другъ,—а художника. Такъ вотъ я у него бываю, и мы можемъ у него встрѣтиться.

Въ это время вошла графиня и прервала нашъ разговоръ.

Успѣхи моихъ иллюстрацій и картинъ придавали мнѣ энергію, и я съ большимъ рвеніемъ принялся за работу. Мастерскую мою стали посѣщать бывшіе товарищи по академіи, а между ними часто заѣзжалъ князь Щербатовъ, глухонѣмой, сидѣвшій со мной въ рисовальномъ классѣ на одной скамейкѣ. Этотъ талантливый человекъ былъ глухонѣмой, служилъ въ Кирасирскомъ полку, имѣлъ большую страсть къ рисованію и разговаривалъ всегда письменно, нося для этого особую книжку съ отрывными листами. Наше знакомство не могло быть прочно, и я скоро потерялъ его изъ виду.

Другой графъ Апраксинъ, Степана Ѳедоровича Апраксина сынъ, также удостаивалъ меня своимъ вниманіемъ, но онъ мнѣ, по правдѣ говоря, былъ антипатиченъ. Это былъ черствый, скупой человекъ. Домъ отца его на Литейной, въ которомъ онъ жилъ, никогда не проявлялъ признаковъ жизни и всѣ проѣзжали мимо его, какъ мимо какой-нибудь таинственной могилы, а когда онъ умеръ, то никто его даже добрымъ словомъ не помянулъ. Одинъ только какой-то аэронавтъ, которому онъ помогалъ производить его шарлатанскіе опыты изобрѣтеннаго имъ аппарата, пользовался его вниманіемъ, но затѣя эта въ концѣ концовъ не увѣнчалась ни малѣйшимъ успѣхомъ. Одно время на Охтѣ въ докѣ, оставшемся еще со времени Петра I, благодаря хлопотамъ графа, была устроена мастерская, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ строго сохранялась тайна этого летательнаго снаряда; но такъ оттуда никакого шара и не вылетало, и все дѣло кончилось мыльнымъ пузыремъ. Навѣрное, подобное предпріятіе порастрясло-таки карманъ этого скупого вельможи. Наружность графа Ѳедора Степановича была очень невзрачная, да къ тому же онъ всегда ходилъ какой-то угрюмый и молчаливый, какъ бы недовольный всѣмъ окружающимъ, и только флигель-адъютантскій мундиръ нѣсколько его скрашивалъ. Сознавая свое убожество, онъ думалъ замаскировать его проявле-